

Pascal Quignard

LE SEXE
ET L'EFFROI

Паскаль Киньяр

СЕКС
И СТРАХ

ЭССЕ

*Перевод с французского
И. Волевич*

МОСКВА «ТЕКСТ» 2020

УДК 392.6 “652”
ББК 87.73
К41

ISBN 978-5-7516-1594-9

© Editions Gallimard, Paris, 1994

© И. Волевич, перевод, 2020

© ИД «Текст», издание на русском языке, 2020

Предисловие

Мы несем в себе смятение нашего зачатия.

Нет такого шокирующего образа, который не напоминал бы нам жестов, нас создавших.

Человечество извечно ведет свое происхождение от сцены зачатия, сталкивающей двух млекопитающих, самца и самку, чьи мочеполовые органы, при условии аномального возбуждения, заставляющего их разбухать и становиться откровенно бесформенными, соединяются друг с другом.

Мужской член увеличивается, извергает сперму — сама жизнь внезапно вырывается наружу щедрым потоком семени, оплодотворяющего, создающего человечество. Нас повергает в смятение тот факт, что мы не способны отличить животную страсть владеть, подобно животному, телом другого животного, от семейной, а затем исторической генеалогии. И смятение это усугубляется тем, что селекция, которой оперирует смерть, не может быть отделена от генеалогической преемственности индивидуумов, которые черпают возможность стать индивидуализированными, «выделенными» лишь в результате случайной, пущенной на самотек половой репродукции. Таким образом, случайная половая репродукция, селекция, осуществляемая непредвиденной смертью, и периодическое индивидуальное сознание (которое сон воз-

рождает и размывает, которое дар речи реорганизует и затемняет) являются собой одно целое, рассматриваемое в одно и то же время.

Однако это «целое, рассматриваемое в одно и то же время», мы увидеть никак не можем.

Ибо мы — порождение сцены, в которой не участвовали.

Человек — существо, которому не хватает образа.

Что ни делает человек — закрывает глаза и грезит в ночи, открывает их и внимательно разглядывает реальные предметы, ярко освещенные солнцем, блуждает взглядом в пространстве или обращает его к книге, которую держит в руках, замороженно следит за развитием действия фильма, неотрывно созерцает картину, — он — взгляд желания, ищущий другой образ за всем, что видит.

Патрицианки, изображенные на фресках древних римлян, словно прикованы к невидимому якорю. Они недвижны; их уклончивый взгляд застыл в напряженном ожидании в драматический миг рассказа, который нам уже не дано понять. Мне хотелось бы поразмышлять над трудным римским словом «fascinatio». Греческое слово «phallos» переводится на латынь как «fascinus». Песни, ему посвященные, зовутся «фесценниннами»¹. «Fascinu» останавливает и заораживает взгляд до такой степени, что тот не в силах от него оторваться. Песни, на которые он вдохновляет, лежат в основе изобретения римского романа — «satura»².

Влечение, замороженность (fascinatio) — это восприятие мертвого аспекта речи. Вот почему этот взгляд всегда уклончив.

Я стремлюсь понять нечто необъяснимое — перенос эротики греков в имперский Рим. Эта мутация до сих пор не была осмыслена по неизвестной мне причине — я чувствую в ней страх. За пятьдесят шесть лет правления Августа, который перестроил весь римский мир на имперский лад, произошла удивительная

метаморфоза: радостная, точная эротика греков превратилась в испуганную меланхолию римлян. И мутация эта произошла всего за каких-нибудь тридцать лет (с 18 г. до н.э. по 14 г. н.э.); тем не менее атмосфера страха до сих пор окружает нас и правит нашими страстями. Христианство было всего лишь следствием этой метаморфозы; оно восприняло эротика в том состоянии, в каком ее переформулировали вдохновенные принципатом Октавия Августа римские чиновники; следующие четыре века Империи усугубили ее подавленность.

Я говорю здесь о двух землетрясениях.

Эрос — это нечто архаическое, предчеловеческое, абсолютно животное; психическая природа человека воспринимает и выказывает его в двух формах — смятении и смехе. Смятение и смех — вот хлопья, медленно падающие из густой тучи пепла над проснувшимся вулканом. Не будем говорить ни о бушующем огне, ни о расплавленной породе, что поднимается из недр земли. Общества и язык до сих пор защищаются от этого грозящего им извержения. Генеалогическое развитие имеет у людей произвольный характер мускульного рефлекса; это сны для гомойотермных животных, подверженных циклической сонливости; это мифы для обществ; это семейные романы для индивидуумов. Люди придумывают отцов — иными словами, истории, — чтобы придать смысл случайности спаривания, которое никто из нас — никто из тех, кто рожден на свет после этого спаривания и десяти темных лунных месяцев, — не может видеть.

Когда две цивилизации сходятся и противоборствуют, следует катаклизм. Один из таких катаклизмов произошел на Западе, когда греческая цивилизация коснулась краем римской цивилизации и системы ее ритуалов, когда эротическое смятение превратилось в *fascinatio*, когда эротический смех стал саркастической издевкой над тем, что звалось *ludibrium*³.

Случилось так, что 24 августа 79 года другой катаклизм, на сей раз чисто теллурический, стал причиной погребения четырех городов, которые сохранили свидетельство об этом событии. По крайней мере, никто другой — ни Бог, ни Тит, ни люди — не спасли развалины Помпей, Оплонтиса, Геркуланума и Стабий. Нужно благодарить огненную лаву, уничтожившую жителей этих городов, хотя бы за то, что она на века сохранила нам под слоем пемзы и пробкового дуба эти «завораживающие» образы.

Атрани, июнь 1993

Глава I

ПАРРАСИЙ И ТИБЕРИЙ

В сентябре 14 года Тиберий наследовал Августу.

Тиберий остался в истории как человек двух загадок и двух атрибутов. Куннилингвус и анахорез — это загадки. Никталопия и порнография — атрибуты. Император Тиберий коллекционировал рисунки и картины греческого художника Паррасия Эфесского⁴. Древние говорили, что Паррасий изобрел *pornographia* в Афинах около 410 г. до н.э. *Pornographia* буквально переводится как «изображение проститутки»⁵. Паррасий любил гетеру Теодоте и писал ее нагою. Сократ утверждал, что живописец был сладострастником (*abrodiaitos*).

По свидетельству Светония⁶, император Тиберий приказал повесить в своей комнате картину Паррасия, изображавшую Аталанту, что питала к Мелеагру «постыдную страсть» (*Meleagro Atalanta ore morigeratur*). Представьте себе Людовика XIII, который неожиданно велел повесить у себя в спальне картину Жоржа де Латура «Святой Себастьян», а все прочие картины вынести вон. Светоний пишет далее: «Живя в уединении на Капри, Тиберий возжелал обустроить комнату со скамьями для тайных усад (*arcanaeum libidinum*). Там собирал он юных девушек и молодых развратников для чудовищных совокуплений, которых называл *spintrias* (сфинктеры)⁷; он располагал

участников тройной цепью, и они предавались ободным любострастным играм, дабы возбудить его угасающие желания (*deficientis libidines*). Он украшал свои покои изображениями и статуэтками — копиями самых непристойных картин и скульптур (*tabellis ac sigillis lascivissimarum picturarum et figurarum*), к которым добавлял еще и книги Элефантиды⁸, чтобы каждый участник оргии мог повторить позу (*schemae*), выбираемую самим императором. Он называл «рыбешками» (*pisciculos*) детей самого нежного возраста, которых приучал играть и резвиться у него меж ног, когда он плавал; они должны были возбуждать его языком и покусывать (*lingua morsuque*). Он давал младенцам, еще не отлученным от груди, сосать свой половой орган, дабы они освобождали его от семени. Это ему нравилось более всего. В лесах и рощах Венеры он повелевал устроить гроты и пещеры, в которых молодые люди обоих полов, в костюмах сатиров и нимф (*Paniscorum et Nympharum*), предавались чувственным наслаждениям.

Древние считали, что фелляция происходит от куннилингвуса греческих женщин с острова Лесбос. Глагол «*lesbiazein*» означал «лизать». И то, что было вполне терпимой практикой в гинекеях, рассматривалось как непристойность в отношении свободнорожденного мужчины, как только у него отрастала борода.

Ни у греков, ни у римлян никогда не существовало понятия гомосексуальности. Само слово «гомосексуализм» появилось в 1869 году. Слово «гетеросексуализм» возникло в 1890 году. Ни греки, ни римляне не делали различия между гомосексуализмом и гетеросексуализмом. Они различали другое — активность и пассивность. Они противопоставляли фаллос (*fascinus*) всем отверстиям (*spintrias*) человеческого тела. Греческая педерастия была ритуалом социальной инициации. В процессе ритуального совокупления (содомии) мужчины с мальчиком (*pais*) спер-

ма взрослого наделяла мужественностью ребенка. Греческий глагол, означающий процесс содомии — *eispein*⁹, — буквально соответствует латинскому *inspire*. Объект любви подчиняется старшему по возрасту гражданину (*inspirator*) и, таким образом, приобщается к охоте и культуре, — обе они находят свое воплощение в войне. Жизнь — частная, общественная, торговая, артистическая, — другими словами, война — есть охота, где добычей является человек.

В греческой педерастической паре участники никогда не менялись ролями. В Афинах мужская проституция влекла за собою лишение гражданских прав; пассивный гомосексуалист, уличенный в занятии политикой, предавался смерти. Таких презирали еще сильнее, чем неверных жен (супружеская измена смертью не каралась). Ритуальный педерастический акт был строго функциональным: его смысл состоял в передаче ребенка из гинекея в мужские руки, в избавлении от пассивной сексуальности гинекея с тем, чтобы превратить мальчика в зачинателя (отца) и гражданина (взрослого, активного любовника, воина-охотника). Появление растительности на теле проводило границу между двумя сексуальными позициями: активные и «волосатые» принадлежали городу (*polis*), пассивные и безволосые — гинекею. Так, Гермес изображается то гладкокожим и вялым, то бородатым и мужественным. Ни один мужчина, ни одна женщина не имели права вождесть к носящему бороду. Желанным, красивым считалось лишь то, что было безволосым. Греческое противопоставление было незыблемо: бородатый, хмельной и активный против безбородого, трезвого и пассивного объекта любви. Отсюда и два ритуала (или две церемонии) — охота на зайца с голыми руками, олицетворявшая собой педерастическую любовь (когда добыча является хищником), и цена, в которой бородатый мужчина с напряженным фаллосом держит на ладони поникший пенис безво-

лосого партнера (всякий взрослый — активен). Вот два основных сюжета, фигурирующих на большинстве греческих эротических ваз.

Педерастический ритуал греков возник из противопоставления гинекея и города (*polis*). Римляне, не знавшие назначения гинекея, не знали и этой оппозиции. Римская любовь отличается от греческой наличием следующих черт: оргия *gens*, словесная политическая непристойность, противопоставленная целомудрию (*castitas*) матроны-покровительницы касты и ее представителей (*gentes*), и, наконец, покорность (*obsequium*) рабов. Римская сексуальная мораль была чрезвычайно жесткой, уставной и особенно активной у мужчин. Сенека Старший определяет ее («Контroversии», IV, 10) сентенцией консула Квинта Атерия¹⁰: «*Impudicitia in ingenuo crimen est, in servo necessitas, in liberto officium*»¹¹ (Пассивность есть преступление для свободнорожденного гражданина, непреложный долг — для раба и услуга для вольноотпущенника, которую он обязан оказать своему патрону). Сенека Старший добавляет, что эта сентенция Квинта Атерия дошла до императора Августа и весьма позабавила его новым смыслом, который оратор вложил в слово *officium*.

Римские нравы чрезвычайно категоричны: содомия и иррумация считаются добродетелями, фелляция и пассивность — непристойны. *Pedicare* — глагол, означающий содомию через анус. *Irrumare* — содомия через рот. Фелляция — современное слово, которое много говорит об обществе, его избравшем. *Fellare* — сосать половой орган — действие, для римлянина совершенно непостижимое. Можно только активно *irrumare* себе подобного, то есть заставить того принять в рот *fascinus* и принудить лизать и покусывать его до тех пор, пока не извергнется семя.

Запрет на пассивность (считавшуюся постыдной) распространялся в Риме на всех свободнорожденных

граждан любого возраста. В Греции тот же запрет касался свободных граждан лишь с того момента, как у них начинала расти борода (до этого безволосые мальчики считались пассивными, женоподобными). В Риме мужчина назывался целомудренным, если он никогда не подвергался содомии (то есть всегда был сексуально только активным). *Pudicitia* — добродетель свободного человека. Все свободнорожденные юноши (*proetextati et ingenui*) неприкосновенны — вот что римляне противопоставили инициации *paid-erastikè* молодых людей (*paides*) взрослыми (*éastes*), которую утвердил греческий *polis*. И только в эпоху принципата несколько римских поэтов предложили также ввести в обиход практику «политической», педагогической любви, на равных началах, старших (*éastes*) к младшим (*paides*), непорочным (*pueri*). Для начала они распространили эту форму любви на продажных женщин, затем на наложниц и, наконец, на патрицианок. Мучеником сей метаморфозы стал всадник Публий Овидий Назон. Овидий — первый из римлян, для которого сладострастие (*voluptas*) должно было быть взаимным, а мужское желание подавляемым, дабы бесстыдно (ибо для римлянина любовное чувство есть непристойность, желание понизить свой статус, безумие) отвечать на страсть, обуревающую женщину, матрону. «*Odi concubitus qui non utrumque resoluunt*» (Я ненавижу объятия, в коих один или другой не отдается полностью¹²). И Овидий добавляет, также употребляя слово *officium*, которое произнес до него Атерий: «*Officium faciat nulla puella mihi*» (Я не желаю услуги от женщины¹³). Тотчас после публикации этого «*Ars amatoria*» Август сослал всадника Овидия «на край света», в Томы, на берега Дуная. Тиберий не отменил эту ссылку. Смерть унесла Овидия в 17 году.

Никакое сознание греха или хотя бы виновности не омрачало и не осложняло сексуальные отношения

древних, какую бы форму они ни принимали. Но в Риме их подавляет страх перед потерей статуса. Пуританство никогда не затрагивает сексуальность — только мужественность. Любовный акт всегда предпочтительнее воздержания, но ценность его полностью зависит от статуса объекта, утоляющего желание, — это может быть матрона, куртизанка, гражданин, вольноотпущенник, раб. Легализация развода и бурная полигамия, следовавшая за этим, эмансипация матрон и распространение *obsequium* значительно пошатнули традиционную мораль. Любовь в браке многим показалась триумфом разврата. Август был возмущен. Виргилий поддержал это возмущение. Овидий воспротивился подобной реакции. Август выразил свое отношение, введя новую теологию и новое законодательство. Он подверг изгнанию одного актера только за то, что его любовница, римская матрона, обрезала себе волосы: обнажив голову подобно рабыне, она тем самым отринула свой *status*, стала рабыней, проявила покорность (*obsequium*) мужчине, которого имела дерзость полюбить. Именно за любовные похождения Август и сослал свою дочь Юлию на крошечный островок Пандатарии, близ побережья Кампаньи. Ее супруг Тиберий одобрил эту ссылку. Смерть унесла Юлию в конце 14 года. Она отказалась принимать пищу, желая умереть.

Пассивность в любви со стороны патриция считалась таким же тяжким преступлением, как любовное чувство или супружеская измена со стороны матроны. Однако мужская активная гомосексуальность или мастурбация, сделанная рукою матроны своему любовнику, воспринимается как нечто вполне невинное. Любой гражданин может делать все, что пожелает, с незамужней женщиной, с наложницей, с вольноотпущенником и рабом. Отсюда сосуществование в римском обществе самых шокирующих актов и самой жесткой ограниченной морали. Добродетель (*virtus*)

означает сексуальную мощь. Мужественность (*virtus*), будучи долгом свободнорожденного человека, отмечает его сексуальной силой; фиаско расценивается как позор или козни демонов. Единственной моделью римской сексуальности является владычество (*dominatio*) властелина (*dominus*) над всем остальным. Насилие над тем, кто обладает низшим статусом, есть норма поведения. Наслаждение не должно разделяться с объектом наслаждения, лишь тогда оно — добродетель. Эту норму ясно определяет одна из эпиграмм Марциала¹⁴: «Я хочу продажную девку, которая до меня отдалась моему юному рабу и которая одна способна удовлетворить троих мужчин сразу. Что же до недотроги с заносчивой речью (*grandia verba sonantem*), то пусть ее поимеет какой-нибудь дурень из Бордо (*mentula crassae Burdigalae*)». Всякий сексуально активный и несентиментальный мужчина — порядочный человек. Всякое наслаждение, доставленное другому (*officium, obsequium*), есть рабская услуга и является признаком недостаточной *virtus*, недостаточной мужественности, иными словами, говорит о бессилии. Отсюда безжалостное наказание за проступки, которые нам кажутся незначительными, а в том обществе являлись преступлениями. С точки зрения римлян, изнасилованная девушка чиста, зато изнасилованная матрона заслуживает смерти. Поцелуй, данный ребенку вольноотпущенником, обрекает этого последнего на казнь. Валерий Максим рассказывает, что Публий Мений убил педагога, который поцеловал его двенадцатилетнюю дочь¹⁵.

Раб не мог осквернить содомией своего господина. На это, согласно Артемидору¹⁶, был наложен строжайший запрет. Даже увиденная во сне, подобная содомия создавала множество проблем для того, кому она пригрезилась в ночной тиши. Зато обратное действие, со стороны господина, было нормой. Патрицию стоило лишь указать пальцем и сказать: «*Te raedico*» (При-